
В. П. АЛЕКСЕЕВ

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЛАТЫШЕЙ

Разрешение проблемы происхождения народов Прибалтики является одной из актуальных задач исторической этнографии. Несмотря на огромное количество специально посвященных этой проблеме исследований¹, некоторые ее аспекты все еще недостаточно ясны.

Так, противоречиво трактуется, например, вопрос о наличии в населении Прибалтики, в частности в составе латышей и эстонцев, монголоидной примеси. Между тем, решение этого вопроса имеет большое значение, поскольку оно связано с выяснением генезиса и взаимоотношений расовых типов Восточной Европы и Урала и роли образовавшихся в результате смешения и недифференцированных антропологических комплексов в формировании современных антропологических типов.

Первым исследователем, указавшим на монголоидную примесь в составе древнего населения севера европейской части СССР, был Е. В. Жиров². В серии из неолитического могильника на Южном Оленьем острове он выделил несколько черепов, морфологические особенности которых свидетельствовали, по его мнению, о наличии небольшой монголоидной примеси. Это обстоятельство рассматривалось им как свидетельство восточного происхождения части населения, захороненного в Оленеостровском могильнике. Заключение Е. В. Жирова было поддержано археологами³ и получило дополнительное подтверждение в археологических материалах могильника на Онежском озере и других памятников на смежных территориях. Некоторые черепа из могильников культуры ямочно-гребенчатой керамики северных и центральных районов Русской равнины также характеризовались комплексом монголоидных признаков⁴.

Почти одновременно с публикацией Е. В. Жирова появился ряд работ, содержащих аргументацию в пользу смешанного происхождения

¹ См.: С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров. Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2; «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, и др.

² Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), VI, 1940. Описание археологического материала могильника дано в работе В. И. Равдоникаса «Неолитический могильник на Онежском озере», «Сов. археология», т. VI, 1940.

³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; М. Е. Фосс, Древнейшая история севера европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА СССР), № 29, 1952; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, МИА СССР, № 47, 1956.

⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948; М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, М., 1949; М. С. Акимова, Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. XVIII, М., 1953.

современных народов Западной Сибири, Приуралья и Среднего Поволжья, принадлежащих к разным вариантам уральской расы или уральской группы антропологических типов⁵.

Правда, в отношении смешанного происхождения марийцев Г. Ф. Дебец высказывал сомнения⁶, но позднее отказался от них⁷.

В статьях Н. Н. Чебоксарова был приведен обширный материал, свидетельствующий, по его мнению, о наличии монголоидной примеси у древнего населения не только Восточной, но и Центральной Европы⁸.

Таким образом, тезис о широком проникновении монголоидных элементов на территорию Европы из Зауралья в эпоху неолита, а может быть, и в более позднее время мог считаться обстоятельно обоснованным. Он получил дополнительное подтверждение в палеоантропологических материалах из неолитических погребений Эстонии и Латвии, исследованных К. Ю. Марк⁹ и Р. Я. Денисовой¹⁰, а также в результатах антропологического изучения современных народов Прибалтики, осуществленного антропологическим отрядом Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции¹¹.

Однако общепринятая концепция была подвергнута неожиданной критике в последних работах В. В. Бунака¹² и В. П. Якимова¹³. В. В. Бунак, отказавшись от прежних взглядов¹⁴, исходит в своей критике в основном из общетеоретических представлений о разном характере географической изменчивости признаков в смешанных и недифференцированных популяциях и большой роли недифференцированных типов в сложении расового состава современного человечества. Эти

⁵ П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых марий, журнал «Марийская автономная область», Йошкар-Ола, 1934, №№ 8—9, 10—12; его же, Антропологические исследования в Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та и Музея антропологии», 1941; М. Г. Левин, Краниологический тип хантов и манси, «Краткие сообщения Ин-та и Музея антропологии», 1941; Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова, Антропологическое изучение манси, «КСИИМК» IX, 1941; Г. Ф. Дебец, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «КСИИМК», IX, 1941; его же, Селькупы, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947.

⁶ Г. Ф. Дебец, Рецензия: П. И. Зенкевич. Физический тип горных и луговых марий, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, М., 1951.

⁸ Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941; его же, Антропологический состав современных немцев, там же.

⁹ К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, 1954; ее же, Палеоантропология Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, 1956, ее же, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. «Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук)», 1956, № 1.

¹⁰ Р. Я. Денисова, Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи, «Сов. этнография», 1960, № 3.

¹¹ Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXIII, 1954; Р. Я. Денисова, Антропологический тип ливов, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXXII, 1956; ее же, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2; М. В. Витов, Антропологическая характеристика населения восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, М., 1959.

¹² В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

¹³ В. П. Якимов, Начальные этапы заселения восточной Прибалтики, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XXXII, 1956; его же, О древней «монголоидности» в Европе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVIII, 1957; его же, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, М.—Л., 1960.

¹⁴ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Русский антропологический журнал» т. XIII, № 3—4; М., 1924; его же, Антропологический тип мордвы, там же.

представления уже были подробно рассмотрены Г. Ф. Дебецом¹⁵, убедительно показавшим их несостоятельность, и нет нужды на них останавливаться.

В. П. Якимов основывается на рассмотрении всего конкретного материала по палеоантропологии неолита Русской равнины, Прибалтики и Западной Европы, но игнорирует морфологические особенности современного населения. Исходя из того, что некоторая уплощенность лица встречается на черепах из неолитических могильников Западной Европы и даже на черепах верхнепалеолитического времени, он считает весьма вероятным существование в прошлом европеоидной группы с такой особенностью. Наличие монголоидной примеси у древнего населения перечисленных выше обширных областей при этом отрицается, так же как его связи с территорией Зауралья.

Все сказанное иллюстрирует сложность вопросов, связанных с антропологическим изучением народов Прибалтики. Поэтому большое значение приобретает любое приращение материалов по антропологии населения Прибалтики и, в частности, изучение краниологических типов современного или близкого к современности населения, сопоставление их с более древними и между собой.

Материал по краниологии современных народов Прибалтики уже являлся предметом исследования. Обширная серия литовских черепов XVIII—XX вв., добытая при раскопках сельских кладбищ и кладбищ города Каунаса, была опубликована литовскими антропологами И. Жилинскасом и А. Юргутисом¹⁶. Но малая вероятность принадлежности черепов из кладбищ Каунаса литовцам, составлявшим в XVIII в. незначительный процент населения города, а также неполнота программы измерений, в которой отсутствуют определения ряда важных признаков, мешают использованию этого материала в той мере, в какой это диктуется требованиями современной антропологической методики.

Краниологический тип эстонцев также получил характеристику в ряде работ¹⁷, но большая часть их написана несколько десятков лет тому назад и сейчас имеет лишь историческое значение. В последние годы ревизию накопленных к настоящему времени краниологических материалов с территории Эстонии произвела К. Ю. Марк¹⁸. В ее публикациях представлены результаты изучения как старых коллекций, собранных еще в конце прошлого века, так и новых серий, добытых при раскопках эстонскими археологами и самой К. Ю. Марк. Материал охватывает почти все основные районы Эстонской ССР, достаточно представлен количественно и является надежной основой для сопоставления с более ранними сериями.

Сведения по краниологии современного населения Латвии по сравнению с аналогичными материалами о литовцах и эстонцах, крайне скудны.

Правда, количество черепов, опубликованных различными исследователями, довольно значительно¹⁹, но изучены они по чрезвычайной

¹⁵ Г. Ф. Дебец, О генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1956, № 4.

¹⁶ I. Zilinskas, A. Jurgutis, *Crania lithuanica*, «Acta medicinae facultatis vultauti magni universitatis», v. V, f. 3, Kaunas, 1939.

¹⁷ См. библиографию в работе М. В. Витова, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксарова, «Этническая антропология восточной Прибалтики».

¹⁸ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР; е е же, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; K. Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum, «Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnesföreningens tidskrift», т. 59, № 4, Helsinki, 1958.

¹⁹ I. Licis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*, Riga, 1939.

краткой программе, включающей чаще всего лишь единичные измерения. Поэтому получение новых материалов, на основании которых можно было бы охарактеризовать краниологический тип современного населения Латвийской ССР и провести его сопоставление с краниологическими типами соседних народов, явилось первоочередной задачей палеоантропологического отряда Прибалтийской комплексной экспедиции.

Для работы были выбраны крайние восточные районы Латвии как зона предполагаемого контакта летто-литовских и славянских племен. В 1957 г. в 10 км к югу от Лудзы экспедиция произвела раскопки большого могильника, расположенного как раз на перекрестке дорог Лудза — Нерза и Истална — Талкука на землях колхоза им. М. И. Калинина Нукшинского сельсовета²⁰. Невысокий песчаный холм, на котором находился могильник, издавна назывался «Вацыы копи», что означает в переводе с латышского «старое кладбище». Местная традиция с полной несомненностью свидетельствует о том, что оно оставлено латгалами — недавними предками современного населения этого района. В могильнике было вскрыто более 100 погребений, давших обильный костный материал. В нашем распоряжении оказалось 43 мужских и 45 женских черепов взрослых субъектов. При вычислении средних по мужской серии к ней были присуммированы данные по трем черепа латышей бывш. Люцинского уезда, хранящимся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде под номерами 1831—1, 2223—1 и 2282—7. Все три черепа поступили в Музей от К. З. Яцуты и принадлежали лицам, умершим в конце XIX — начале XX в. Черепа из могильника относятся к более раннему времени и датируются XVIII в., что явствует из находок монет 1736, 1740, 1746 и 1749 гг. в отдельных погребениях, расположенных в разных частях могильника. К сожалению, археологические находки ограничиваются монетами и бусами, которые, по словам старых латышек, присутствовавших при раскопках, бытовали в этом районе еще в начале нашего века.

С целью получения возможности сопоставления материалов по краниологии народов Прибалтики, в частности латышей, и соседнего славянского населения в 1958 г. палеоантропологический отряд Прибалтийской экспедиции продолжил работу на территории западных районов расселения русского народа. Было раскопано заброшенное русское кладбище г. Себежа, расположенное на песчаном холме рядом с центральной городской площадью²¹. Два века назад центр города находился в другом месте, а район кладбища представлял собой глухую окраину. Следует отметить, что на кладбище хоронили покойников не только жители самого города, но и крестьяне окрестных деревень, и, следовательно, по своему характеру оно не отличается от обычных сельских кладбищ. Датируется оно приблизительно тем же временем, что и раскопанный в 1957 г. могильник под Лудзой. Об этом говорят находки монет 1740 и 1748 гг. в могилах, расположенных на разных участках кладбища. Других предметов найдено не было, что характерно для русских кладбищ вообще.

Полученная при раскопках кладбища в городе Себеже серия состоит из 89 мужских и 76 женских черепов, принадлежащих взрослым индивидуумам. Это не первый краниологический материал с территории западных и северных районов расселения русского народа. Отдельные русские черепа с этой территории были описаны еще в середине XIX в.,

²⁰ В раскопках принимал участие директор Лудзенского краеведческого музея Я. Э. Тимошканс. Приношу ему глубокую благодарность за ценную помощь в работе.

²¹ Раскопки проводились частично на средства Себежского краеведческого музея. Приношу глубокую благодарность директору музея К. М. Громову за большую организационную помощь.

а в конце XIX в. появилась работа А. И. Таренецкого, содержащая индивидуальные измерения большой серии²². Средние по этой серии были опубликованы Г. Морантом²³.

Однако эти материалы мало пригодны для детального сравнения близких типов, так как измерения проведены по устаревшей методике; кроме того, черепа получены с большой территории, на которой, по-видимому, были распространены различные антропологические типы.

Материал из Себежа гораздо более эффективен для этой цели. Средние с характеризующими их параметрами как по латгальской серии из-под Лудзы, так и по русской серии из Себежа представлены в табл. 1. Ее рассмотрение показывает, что различия в краниологическом типе латгалов и русских проявляются достаточно отчетливо по целому комплексу важных признаков. Речь идет в первую очередь о горизонтальных диаметрах черепа и черепном указателе, значение которых в качестве разграничительного критерия между близкими вариантами европеоидной расы общеизвестно, о горизонтальной профилировке лица и выступании носа, дифференцирующих типы, относящиеся к основным расовым делениям человечества, в первую очередь к монголоидному и европеоидному стволам.

Целесообразно начать обзор по признакам именно с рассмотрения величин уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и выступания носовых костей к плоскости лица.

Назональный угол горизонтальной профилировки и в латгальской, и в русской сериях попадает в границы вариаций европеоидных групп. Различия между сериями невелики по абсолютной величине и неопределенны по направлению: мужские черепа латгальской серии имеют большую величину назонального угла, чем русские, женские группы характеризуются обратным соотношением. Поскольку половой диморфизм практически не проявляется в степени уплощенности лицевого скелета, суммирование показаний по мужским и женским группам может быть произведено без каких-либо дополнительных поправок. Обобщенная взвешенная средняя назонального угла в русской серии равна $140,9^\circ$, в латгальской — $140,6^\circ$. Таким образом, и обобщенные средние говорят об отсутствии ощутимых различий между русскими и латгальскими черепами в уплощенности верхней части лица.

В отличие от назонального, зигомаксиллярный угол позволяет дифференцировать исследуемые серии. И мужские и женские черепа латгалов характеризуются большей величиной зигомаксиллярного угла, чем русские, и, следовательно, большей уплощенностью нижнего отдела лицевого скелета. Разумеется, величина зигомаксиллярного угла в латгальской серии не выходит за пределы вариаций европеоидных групп. Однако реальность различий сама по себе не вызывает сомнений. Она сохраняется и при объединении наблюдений по мужским и женским черепам. Так, в латгальской серии суммарная средняя зигомаксиллярного угла равна $127,7^\circ$, тогда как в русской она не превышает $125,7^\circ$.

По степени выступания носа различия между латгальской и русской сериями гораздо отчетливее проявляются на женских черепах, хотя на мужских эти различия имеют то же направление. Поэтому суммирование наблюдений по обоим полам выглядит не только оправданной, но и необходимой предпосылкой дальнейшего анализа. Оно может быть произведено на основании средней величины разницы в степени высту-

²² А. Tarenetzky, Beiträge zur Craniologie der großrussischen Bevölkerung der nördlichen und mittleren Gouvernements des europäischen Russlands, Mem. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersburg, VII ser., t. XXXII, 13, 1884.

²³ G. Morant, A preliminary classification of european races based on cranial measurements, «Biometrika», т. XX, 3—4, 1928.

Средние размеры и показатели

Пол	♂					
	Группа	Русские				
		<i>N</i>	<i>M</i>	σ	<i>m (M)</i>	<i>N</i>
	Параметры					
	1. Продольный диаметр	86	178,2	7,07	0,76	45
	8. Поперечный диаметр	86	145,6	5,91	0,64	46
8 : 1.	Черепной указатель	86	81,7	4,46	0,48	45
17.	Высотный диаметр (<i>ba—b</i>)	81	135,2	4,76	0,53	42
5.	Длина основания черепа	85	100,4	4,22	0,46	42
9.	Наименьшая ширина лба	87	98,1	4,82	0,52	45
32.	Угол лба (<i>n—m</i>)	78	86,2	3,92	0,44	43
	Надбровье (1—6 по Мартину)	86	2,77	—	—	46
40.	Длина основания лица	81	97,8	5,34	0,59	41
45.	Скуловая ширина	84	133,7	5,11	0,56	45
48.	Верхняя высота лица	87	69,4	4,16	0,45	44
51.	Ширина орбиты от <i>mf</i> (лев.)	84	41,7	1,91	0,21	45
52.	Высота орбиты (лев.)	87	32,1	2,12	0,23	45
54.	Ширина носа	85	25,5	1,94	0,21	42
55.	Высота носа	88	50,7	3,17	0,34	45
	Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	88	86,4	—	—	45
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	84	5,7	1,78	0,19	44
DC.	Дакриальная хорда	80	21,4	2,04	0,27	44
DS.	Дакриальная высота	80	13,0	1,42	0,15	44
DS : DC.	Дакриальный указатель	80	61,1	7,73	0,86	44
SC.	Симотическая хорда	83	9,4	2,13	0,23	44
SS.	Симотическая высота	83	4,7	1,39	0,15	44
SS : SC.	Симотический указатель	83	50,4	10,66	0,17	44
72.	Угол профиля лица общий	77	86,0	3,33	0,38	39
75(1).	Угол носовых костей к линии профиля	77	31,5	5,67	0,65	40
77.	Назомаллярный угол (<i>fmo—n—fmo</i>)	86	140,4	4,70	0,51	41
	Зигмаксиллярный угол (<i>zm'—ss—zm'</i>)	84	125,6	4,40	0,48	41

Таблица 1

исследованных серий черепов

			♀									
Латыши			Русские				Латыши					
М	σ	т (М)	Ν	М	σ	т (М)	Ν	М	σ	т (М)		
182,9	5,15	0,77	72	172,4	6,26	0,74	45	174,5	6,33	0,94		
144,7	5,08	0,75	73	142,8	4,64	0,54	45	139,2	4,23	0,63		
79,2	3,30	0,49	72	82,3	4,41	0,48	45	79,8	3,54	0,53		
134,8	4,76	0,74	66	127,9	4,50	0,55	42	130,2	5,25	0,81		
102,3	3,89	0,60	65	95,7	3,36	0,42	42	98,0	3,72	0,57		
97,6	4,39	0,66	76	95,4	3,95	0,45	45	94,8	3,93	0,59		
85,0	5,08	0,78	64	88,1	3,52	0,44	39	88,2	4,68	0,75		
3,04	—	—	75	1,91	—	—	45	1,97	—	—		
99,0	4,86	0,76	56	94,3	4,42	0,59	40	94,8	5,68	0,90		
134,3	4,87	0,73	67	127,3	5,62	0,69	41	124,5	3,77	0,59		
70,8	5,17	0,78	67	66,9	3,79	0,46	40	65,8	3,29	0,52		
42,2	1,65	0,25	65	40,5	1,75	0,22	41	40,6	1,61	0,25		
32,6	2,19	0,33	69	32,7	2,07	0,25	41	32,0	1,97	0,31		
25,4	1,90	0,29	60	24,4	1,59	0,21	40	24,5	1,92	0,30		
51,7	3,62	0,54	66	49,1	3,16	0,39	40	47,9	2,58	0,41		
88,9	—	—	68	92,6	—	—	41	87,8	—	—		
5,7	1,86	0,29	65	5,3	1,75	0,22	40	4,8	1,59	0,25		
21,9	2,71	0,41	51	20,4	2,81	0,39	38	20,3	2,29	0,37		
12,5	1,55	0,23	51	11,8	1,43	0,20	38	11,0	1,45	0,23		
56,7	8,30	1,25	51	58,3	8,50	1,19	38	54,4	9,34	1,51		
9,6	1,52	0,23	58	8,7	2,16	0,28	42	9,4	2,09	0,32		
4,3	1,28	0,19	58	3,9	1,11	0,15	42	3,5	1,07	0,17		
45,3	13,84	2,09	58	46,3	11,25	1,48	42	37,3	10,31	1,59		
85,5	2,99	0,48	57	85,9	3,01	0,40	38	85,2	3,02	0,49		
30,8	6,21	0,98	53	28,9	3,97	0,55	40	24,1	5,78	0,91		
141,4	4,71	0,70	73	141,5	4,92	0,56	45	139,8	4,74	0,71		
127,8	6,57	1,03	62	125,9	4,83	0,61	37	127,6	5,47	0,90		

34

В. П. Алексеев

пания носа по обоим полам у 43 монголоидных и европеоидных серий, равной 3,3²⁴. Для русской серии взвешенное суммирование дает 31,8°, для латгальской — 29,1°. Таким образом, и по углу выступания носа, так же как по зигомаксиллярному углу горизонтальной профилировки, отличия латгальских черепов от русских имеют то же направление, что и отличия популяций монголоидной расы от европеоидной.

Дакриальная высота в исследуемых группах варьирует аналогичным образом. И на мужских, и на женских черепах латгалов она ниже, чем в русской серии. Естественно, что суммирование наблюдений по обоим полам не уничтожает имеющихся различий. Оно может быть произведено с использованием коэффициента полового диморфизма, равного по этому признаку 1,04 мм. В русской серии суммарная средняя равна 12,9 мм, в латгальской — 12,3 мм. Различия сохраняются и при сопоставлении величин дакриального указателя. В среднем этот указатель на мужских черепах на 2,8 единицы больше, чем на женских. Полученный с учетом этой величины дакриальный указатель в объединенной русской серии равняется 61,6, тогда как на латгальских черепах он составляет 56,9. Таким образом, высота переносья дифференцирует обе серии не менее отчетливо, чем зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки и угол носовых костей к линии лицевого профиля.

Дополнительную иллюстрацию этому мы получаем при рассмотрении вариаций симотической высоты и симотического указателя. Наблюдается их уменьшение на черепах латгалов. Разница по величине симотической высоты на мужских и женских черепах латгалов равна 0,50 мм, а по симотическому указателю — 5,8. При учете этих величин симотическая высота на черепах объединенной русской серии определяется в 4,5 мм, симотический указатель — в 51,1; соответствующие величины на латгальских черепах равны 4,2 мм и 44,2. Таким образом, все имеющиеся способы определения высоты переносья согласованно указывают на тенденцию к уплощенности переносья, проявляющуюся в латгальской серии.

По отношению ко всем перечисленным признакам можно утверждать, что их таксономическая значимость велика, но отдать предпочтение какому-либо из них в ущерб другим в настоящее время невозможно. Поэтому целесообразно суммировать показания по отдельным признакам в каждой из исследуемых серий и, таким образом, получить обобщенную характеристику различий между сериями и того, насколько эти различия могут считаться существенными в межгрупповом масштабе. С этой целью был выбран чисто эмпирический прием, теоретически возможный лишь при допущении равнозначности рассмотренных признаков. Прием этот прост и дает наглядные результаты. За основу сопоставления взяты данные, суммированные по обоим полам с использованием указанных поправок. Для сравнения привлечены краниологические серии армян²⁵ и тунгусов²⁶ как характерных представителей европеоидного и монголоидного расовых типов, различия между которыми практически соответствуют амплитуде колебаний антропологических признаков между крайними вариантами европеоидной и монголоидной большой рас. Результаты сопоставления представлены в табл. 2.

Разница между армянами и тунгусами по каждому признаку принята за 100,0. По всем признакам эта величина падает на тунгусскую

²⁴ В. П. Алексеев, Материалы к палеоантропологии западной Тувы, «Труды Тувинской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М.—Л., 1960. Там же приведены коэффициенты полового диморфизма признаков, отражающих высоту переносья. Все они вычислены на основании данных по тем же 43 современным сериям.

²⁵ М. Г. Абдушелишвили, Материалы к краниологии Кавказа, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. V, Тбилиси, 1955.

²⁶ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области.

Таблица 2

Сопоставление русской и латышской серий по степени выраженности монголоидных особенностей

Группа	Армяне	Русские	%	Латыши	%	Тунгусы
77. Назомалярный угол (<i>fmo-n-fmo</i>)	135,7 (125)	140,9 (159)	37,7	140,6 (86)	35,5	149,5 (55)
Зигомаксиллярный угол (<i>zm'-ss-zm'</i>)	125,5 (117)	125,7 (146)	1,2	127,7 (78)	13,3	142,1 (55)
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	34,0 (111)	31,8 (130)	13,9	29,1 (80)	31,0	18,2 (43)
DS. Дакриальная высота	13,3 (128)	12,9 (131)	8,7	12,3 (82)	21,7	8,7 (55)
DS: DC. Дакриальный указатель	62,6 (128)	61,1 (131)	6,9	56,9 (82)	26,4	41,0 (55)
SS. Симотическая высота	4,7 (129)	4,6 (141)	4,2	4,2 (86)	20,8	2,3 (56)
SS: SC. Симотический указатель	55,2 (121)	51,1 (141)	17,6	44,2 (86)	47,2	31,9 (56)
Итого	0%	—	12,9	—	28,0	100%

серию. Не составляют исключения и те признаки, которые имеют наименьшие величины в монголоидных популяциях, как-то: угол выступающего носовых костей и дакриальные и симотические размеры. За полевую величину по каждому признаку принята величина его в армянской серии, не исключая и только что перечисленных носовых размеров, по которым армяне характеризуются максимальными величинами. Разница между русской и армянской и русской и латгальской сериями по каждому признаку выражается в процентах расстояния между армянами и тунгусами. Таким образом, чем выше величина процентного соотношения, представленного для русских — в третьей, а для латгалов — в пятой графе таблицы, тем больше исследуемая группа отличается от армянской и приближается к тунгусской.

Сумма процентных величин, разделенная на количество признаков, дает суммарный коэффициент, выражающий то же самое уже не по отношению к каждому отдельному признаку, а по отношению ко всему комплексу признаков.

Рассмотрение таблицы показывает, что различия между русской и латгальской сериями сохраняют свое направление и масштаб и при суммировании наблюдений по отдельным признакам. Русская серия мало отличается от армянской, тогда как латгальская отклоняется от армянской почти на треть принятой за масштаб разницы между армянской и тунгусской сериями. Таким образом, по признакам, характеризующим степень монголоидности, латгальская серия заметно отличается от русской в направлении приближения к величинам, характерным для монголоидных популяций. Это основной факт, вытекающий из анализа приведенных краниологических данных.

Подтверждает ли этот факт точку зрения В. П. Якимова об отсутствии в составе населения Прибалтики монголоидной примеси²⁷? По моему, нет. Правда, если не придавать углам горизонтальной профили-

²⁷ В. П. Якимов не касается в своих работах вопросов, связанных с морфологическим типом современного населения Прибалтики. Однако представление об отсутствии примеси монголоидных элементов в его составе является закономерным и непреложным выводом концепции В. П. Якимова. Территории Латвии и тем более Эстонии отстоят достаточно далеко от путей, по которым монголоидные элементы проникли в область Восточной Европы на протяжении трех последних тысячелетий. Поэтому датировать появление монголоидного по типу населения в Латвии и Эстонии любым отрезком этого времени практически невозможно и приходится отнести его к неолитическому времени, для которого В. П. Якимов как раз и отрицает наличие монголоидной примеси.

ровки лица существенного расово-таксономического значения и считать некую уплощенность лицевого скелета свойственной и европеоидным группам, можно предполагать, что современное население Латвии связано в своем происхождении с древним населением, физический тип которого характеризовался как раз наличием такой особенности. Однако латгальская серия обнаруживает известное тяготение к монголоидному комплексу признаков не только по углам горизонтальной профилировки. По степени выступающего носовых костей и высоте переносья оно еще более значительно. Так, если по данным табл. 2 подсчитать суммарный коэффициент для русской серии только по носовым размерам, он составит 10,3%. Этот же коэффициент для латгальской серии равен 29,4%. Таким образом, налицо изменение комплекса признаков, не связанных прямой функциональной зависимостью, но в то же время находящихся в тесной исторической корреляции на территории Советского Союза. Это явление вряд ли могло иметь место, если бы речь шла только о представителях большой европеоидной расы.

Далее, при допущении справедливости гипотезы В. П. Якимова следует закрыть глаза на находящиеся в нашем распоряжении соматические данные. Не повторяя аргументации, содержащейся в работе М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова²⁸, укажу только на закономерный характер изменчивости признаков на территории Прибалтики, опять демонстрирующих полную историческую корреляцию при отсутствии морфологической зависимости. Так, отличия восточных эстонцев и латышей от западных ничтожны по абсолютной величине, но они проявляются как раз в тех признаках, которые дифференцируют монголоидные популяции от европеоидных. Общеизвестно, что морфологическая связь между ними либо совсем отсутствует, либо практически очень мала²⁹. Как объяснить закономерный характер наблюдаемых различий по таким признакам? Независимым от присутствия монголоидной примеси параллельным возникновением специфических для монголоидной расы уклонений, как это сделано В. П. Якимовым? Но для признания подобного допущения необходимо солидное дополнительное обоснование, которого нет в работах В. П. Якимова. Да и при признании правомерности такого допущения необъясненным остается комплексный характер различий.

Таким образом, представление о наличии монголоидной примеси в составе населения Прибалтики и, в частности, в составе восточных латышей полностью соответствует имеющимся данным, тогда как противоположная точка зрения оставляет без объяснения одни факты и требует дополнительных гипотез при объяснении других.

Для сопоставления краниологического типа латгалов XVIII в. и средневекового населения могут быть использованы краниологические серии Люцинского³⁰, Нукшинского³¹ и других могильников Латгалии и Дебельского района восточной Земгалии, опубликованные Г. Кнорре³², Г. Ф. Дебецом³³, И. Лицисом³⁴ и И. В. Дайгой³⁵. Группа погребений

²⁸ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

²⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области.

³⁰ Люцинский могильник, «Материалы по археологии России», № 14, СПб., 1893.

³¹ Нукшинский могильник, «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

³² G. Knorre, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens*. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», XXVIII, 1930.

³³ Г. Ф. Дебец, Чарапы Люцынскага магільніку, «Працы сэкціі археолёгіі Беларускай АН», т. III, Менск, 1932; его же, Палеоантропология СССР.

³⁴ I. Līcis, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*.

³⁵ И. В. Дайга, Антропологический материал Нукшинского могильника, в кн. «Нукшинский могильник», «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I, Рига, 1957.

Добельского района датируется V—VII вв., остальные — VIII—XII вв. В публикациях Г. Кнорре, Г. Ф. Дебеца и И. Лициса отсутствуют данные о величинах углов горизонтальной профилировки лица и угла носовых костей к лицевому профилю, а также дакриальных и симотических размеров и указателей, по которым производилось сопоставление латгальской и русской серий. Частично этот пробел восполнен И. В. Дайгой, определившей эти размеры на черепах, опубликованных Г. Кнорре и И. Лицисом и сохранившихся в Рижском медицинском институте, и на черепах Люцинского могильника, описанных Г. Ф. Дебецом. Однако ею исследованы не все черепа из Люцинского могильника, хранящиеся в музее Института антропологии МГУ, и, кроме того, опубликованы данные лишь по мужской серии. Поэтому мною произведено повторное измерение этих черепов. По сериям из Нукшинского могильника и могильников Лудзенско-резекненской и Яунпилбалгско-цесвайнска-прейльской групп и восточных земгалов использованы данные И. В. Дайги с небольшими поправками. Как и при сопоставлении латгальской и русской серий XVIII в. наблюдения по обоим полам суммированы с внесением соответствующих поправочных коэффициентов полового диморфизма.

Представлялось нецелесообразным отдельно рассматривать материал по каждому из этих могильников ввиду их тесной географической локализации и культурной общности. Поэтому сведения по Нукшинскому и Люцинскому могильникам и серии из Лудзенского и Резекненского районов, опубликованной Г. Кнорре, объединены. Данные И. Лициса оставлены без изменений. Таким образом, в нашем распоряжении находится материал по трем территориальным группам средневекового населения Латгалии и восточной Земгалии.

Что демонстрируют вариации углов уплощенности лица в горизонтальной плоскости и показателей выступания носа, представленные в табл. 3? Прежде всего, заметные различия в этих признаках между

Таблица 3

Сопоставление различных групп средневекового населения восточной Латвии по степени выраженности монголоидных особенностей

Группа	Лудзенско-резекненская (VIII—XI вв.)	%	Яунпилбалгско-цесвайнска-прейльская (X—XII вв.)	%	Добельская (V—VII вв.)	%
77. Назомалярный угол ($fmo-n-fmo$)	137,5 (37)	13,0	136,6 (12)	6,5	140,8 (5)	37,0
Зигомаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	124,6 (21)	—5,4	124,4 (3)	—6,6	120,0 (2)	—33,1
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	31,9 (27)	13,3	33,9 (8)	0,6	32,0 (4)	12,7
DS. Дакриальная высота	12,7 (30)	13,0	14,0 (11)	—15,2	14,6 (3)	—28,3
DS:DC. Дакриальный указатель	60,7 (30)	8,8	66,2 (11)	—16,7	64,4 (3)	—8,3
SS. Симотическая высота	4,9 (37)	—8,3	4,6 (11)	4,2	5,0 (4)	—12,5
SS:SC. Симотический указатель	49,6 (37)	24,0	45,7 (11)	40,8	56,0 (4)	—3,4
Итого	—	8,3	—	1,9	—	—5,1

средневековым и близким к современности населением восточной Латвии. Резкая выраженность европеоидных особенностей характерна для средневекового населения в гораздо большей степени, чем для латгалов и даже русских XVIII в. Если можно предполагать отсутствие преемственности между средневековым населением Добельского района

и современными латгалами, то по отношению к населению, оставившему могильники двух остальных групп, отрицать наличие такой преемственности нет никаких оснований.

Все это наводит на мысль о том, что в формировании антропологического типа современного населения приняли участие средневековые жители той же территории, а также какие-то другие элементы, которые могли бы изменить величины рассматриваемых нами признаков в том направлении, в каком черепа латгалов XVIII в. отличаются от черепов латгалов VIII—XII вв.

При решении вопроса об этнической принадлежности этих элементов необходимо выйти за пределы рассмотрения только фактов палеоантропологии и привлечь археологические данные. В. В. Седов, анализируя материалы Нукшинского могильника, особое внимание уделяет погребениям с трупосожжением³⁶, которые встречаются и в других средневековых могильниках Латгалии. Он высказывает предположение, что погребения такого типа оставлены каким-то, по-видимому, финским племенем предшествующего времени. По аналогии с финским населением других районов севера европейской части СССР можно предполагать, что антропологический тип этого племени характеризовался наличием незначительной, но все же вполне четко фиксирующейся монголоидной примеси³⁷. Об этом же свидетельствует и небольшой, но выразительный палеоантропологический материал из неолитических погребений с ямочно-гребенчатой керамикой, оставленных, по общему мнению, древним финским населением³⁸. Распространение обычая трупосожжения среди части населения восточной Прибалтики в эпоху средневековья лишает нас возможности судить о многообразии антропологических типов, что делает попадающий в орбиту нашего исследования материал выборочным и неполным. Все же гипотеза о наличии монголоидной примеси в составе средневековых латгалов и о связи их, как и современного населения восточной Латвии с местным населением эпохи неолита, нам представляется весьма вероятной.

Суммируя все сказанное выше, можно утверждать, что:

1) В составе латгалов XVIII в. фиксируется небольшая монголоидная примесь.

2) Средневековое население восточной Латвии, по имеющимся материалам, характеризуется резкой выраженностью европеоидных особенностей и не имеет в своем составе монголоидной примеси.

3) В средневековых латгальских могильниках выделяется группа погребений с трупосожжением, которые могут быть связаны с финским долатгальским населением восточной Латвии. Есть основания утверждать, что антропологический тип населения, оставившего погребения с трупосожжением, характеризовался наличием монголоидной примеси.

4) Антропологический тип латгалов XVIII в. сформировался на основе антропологических типов средневекового населения восточной Латвии как летто-литовского, так и финского происхождения. Связь его с антропологическими типами, бытовавшими на этой территории в эпоху неолита, весьма вероятна.

³⁶ В. В. Седов, Рецензия на книгу «Нукшинский могильник», «Сов. археология», 1959, № 1.

³⁷ В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XV, 1952.

³⁸ А. Я. Брюсов, Указ. раб.

SUMMARY

An analysis of craniological materials from the territory of the Baltic shows that there was a slight Mongoloid admixture among the 18th century Latgalians. The medieval population of Eastern Latvia (8th-12th centuries) was, on the contrary, characterized by prominent Europeoid features. Among the medieval Latgalian burials, however, there stands out one group in which the bodies were cremated, which may be traced to the pre-Latgalian, Finnish population of Eastern Latvia. There are grounds to believe that the anthropological type of the population which left this group of burials was characterized by a Mongoloid admixture.

The anthropological type of 18th century Latgalians was formed on the basis of the anthropological types of the medieval population of Eastern Latvia — both of Letto-Lithuanian and Finnish origin. Its connection with the anthropological types which existed on this territory in the Neolithic period is highly probable.
